

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
М97

Without Conscience. Charles Manson
in His Own Words as Told to Nuel Emmons
HarperCollins Publishers, New York, 1987

Мэнсон, Чарльз.

М97 Апология Мэнсона. Об убийствах, конце света, сексе и жизни без совести / Чарльз Мэнсон, Нуэль Эммонс ; [перевод с английского Т. Давыдовой]. — Москва : Родина, 2023. — 304 с.

ISBN 978-5-00222-051-9

Имя автора этой книги было нарицательным. Газеты писали: «Если фрукт — это яблоко, то жестокий убийца — это Мэнсон».

Чарльзу Мэнсону — главе секты, убившей голливудскую кинозвезду Шэрон Тейт, — было скучно проводить в тюрьме бесконечные дни своего пожизненного заключения. Поэтому он надиктовал эту книгу. Книгу об убийствах, конце света, сексе — и жизни без совести.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-00222-051-9

© Мэнсон Ч., Эммонс Н., 2023
© Давыдова Т., перевод, 2023
© ООО «Издательство Родина», 2023

РАЗРУШЕНИЮ МИФА ПОСВЯЩАЕТСЯ

Нуэль Эммонс родился в Оклахоме. Еще ребенком вместе с родителями он переехал в Калифорнию. Там Нуэль, детство которого пришлось на времена Великой депрессии, и вырос. С Чарльзом Мэнсоном он познакомился в 1956 году, угодив в тюрьму за автомобильную кражу, но первоначальное их знакомство было недолгим. Второй раз их пути пересеклись в 1960 году, когда Эммонс вновь оказался в тюремной камере. После этих перипетий Эммонс стал заниматься фотожурналистикой и сотрудничать с несколькими американскими и европейскими журналами. В 1979 году он вышел на Мэнсона и стал брать у него интервью. Пространные беседы Эммонса с Чарльзом Мэнсоном и вылились в эту книгу.

ВВЕДЕНИЕ

В конце июля и в августе 1969 года произошли восемь самых загадочных убийств в истории преступлений. Они были совершены со зверской жестокостью, только вот дикие звери не пользуются ножами и пистолетами, а после убийства не оставляют посланий, неровно выведенных кровью жертв.

Сотрудники из отдела убийств управления шерифа Лос-Анджелеса 31 июля 1969 года были вызваны в дом 946 по Олд-Топанга-Каньон-роуд. Когда полицейские вошли в дом, их облепили тучи мух, и они чуть не задохнулись от невыносимого зловония, исходившего от разлагавшейся человеческой плоти. Полицейские обнаружили тело мужчины с множественными колотыми ранами. Было установлено, что мужчина умер несколько дней назад. На стене в гостиной, прямо над телом, кровью убитого было накарябано: «политическая хрюшка». Кроме этой надписи на стене были оставлены пятна крови, похожие на следы лап огромной пантеры.

Убитого звали Гари Хинмэн. Тридцатидвухлетний Хинмэн посещал Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, намереваясь получить степень доктора философии по социологии, а на жизнь зарабатывал преподаванием музыки. Позже выяснилось, что дополнительный доход Хинмэну приносила торговля мескалином, который он сам же и синтезировал.

В субботу 9 августа сотрудники полицейского управления Лос-Анджелеса прибыли в роскошные апартаменты по адресу Съело-драйв, 10050, по соседству с Беверли-Хиллз и Голливудом. На месте второго преступления все было залито кровью, так что вполне можно было прово-

дить съемки какого-нибудь голливудского фильма ужасов. В разных помещениях дома и на улице рядом с ним были разбросаны трупы пяти зверски убитых человек. Все они были в самом расцвете сил: Шэрон Тейт-Полански, Эбигейл Фолджер, Войтек Фриковски, Джей Себринг и Стивен Пэрент. Как и у Хинмэна, в этом доме тоже было оставлено послание, выведенное кровью. На двери дома, где пятеро лишились жизни, было написано слово «свинья». Как впоследствии было установлено, кровь принадлежала Тейт.

Шокирующая резня привлекла к месту преступления множество журналистов и фотографов, окруживших оголенную территорию, на которой полиция искала улики преступления. Ясно было лишь одно — произошли убийства. И все же, как только репортеры подготовили свои репортажи с места событий, газетные полосы сразу запестрели различными догадками. Кто-то описывал происшедшее как «ритуальные убийства», другие настаивали на том, что люди погибли в результате бурной вечеринки, сопровождавшейся сексом, третьи заявляли, что всему виной передозировка наркотиков. Среди мотивов убийства фигурировали и ревность с любовным треугольником. Некоторые журналисты просто рассказывали о том, что было известно на тот момент: полиция сбита с толку и не может установить причины преступления, продолжая поиски зацепок для разгадки самых ужасных убийств, когда-либо совершенных в Лос-Анджелесе. Но это было только начало.

На следующий день, в воскресенье, 10 августа, когда прошло немногим более суток после визита полиции на Съело-драйв, сотрудники Лос-Анджелесского управления полиции были вызваны к месту не менее отвратительного убийства по адресу Вейверли-драйв, 3301, в Лос-Фелис, один из районов Лос-Анджелеса. Дом принадлежал Лино и Розмари Ла Бьянка.

Сорокачетырёхлетний Лино умер в результате двадцати шести колотых ранений, часть из которых была нанесена ему вилок для мяса. Его тело так и нашли — с торчавшей в животе вилок и ножом, воткнутым в горло. Жену Лино, тридцативосьмилетнюю Розмари, ударили острым предметом сорок один раз. И вновь в доме убитых были оставлены послания, бесстыдно выведенные кровью жертв: на стене можно было прочесть «смерть свиньям» и «восстание», а на дверце холодильника с ошибкой было написано «Healter Skelter». Окружной прокурор Винсент Баглиози в конце концов предположил, что именно слово «Helter Skelter»* и является мотивом, но наполненные леденящим ужасом ночи и жестокое убийство восьми человек по-прежнему оставались неразгаданной тайной.

По мере того как информация об убийствах распространялась по стране, газеты, радио и телевидение торопились сообщить любые подробности событий, которые вскоре стали известны всему миру как «убийства Тейт — Ла Бьянка». Сами преступления и их освещение в новостях привели в ужас жителей Голливуда и его окрестностей. Страх и подозрение поселились в домах, наполнили сердца людей и улицы всей Южной Калифорнии. Пистолеты и ружья продавались с рекордным размахом: их раскупали для самообороны. Полицейские, от которых требовали найти хотя бы какого-нибудь подозреваемого, работали без устали, ища улики и отрабатывая версии.

Несмотря на арест подозреваемого, Роберта Босолея, спустя несколько дней после гибели Хинмэна, никто не связывал с ним убийства в самом центре Голливуда. Лишь через несколько месяцев, когда был арестован второй подозреваемый по делу Хинмэна, расследование убийств Тейт — Ла Бьянка сдвинулось с мертвой точки.

* Беспорядок, суматоха (англ.).

Подозреваемую звали Сьюзан Дениз Аткинс. В конечном итоге ее обвинили во всех упомянутых убийствах, а также в смерти Дональда Джерома (Шорти) Ши — девятой жертвы, о которой стало известно лишь после задержания преступников. Аткинс проболталась своим соседкам по камере, в красках описав им свое участие в убийствах, и назвала Чарльза Мэнсона харизматическим основателем некоего культа, живым Иисусом, духовным учителем, наделенным такой мистической силой, при помощи которой он сумел заставить своих последователей убивать ради него. Заключенные, которым доверилась Аткинс, поделились ее секретом со следователями, после чего в начале декабря полиция объявила на пресс-конференции о том, что зловещие преступления, расследование которых велось на протяжении последних пяти месяцев, наконец раскрыты.

Аткинс продала авторские права на историю о Мэнсоне и других заключенных под стражу подозреваемых «Две ночи убийств» газете *Los Angeles Times*, а также нескольким зарубежным газетам, так что накануне Рождества 1969 года весь мир прочел этот сенсационный материал. Эти и последовавшие за ними газетные публикации превратили Мэнсона в самого известного злодея нашего времени еще до того, как он предстал перед судом. Неослабевающее внимание СМИ во время судебного процесса обеспечило Чарльзу Майлзу Мэнсону и его последователям (которых сейчас обычно называют «семьей Мэнсона») всемирную дурную славу.

Мэнсона обвинили в том, что он пробудил животную жестокость в своих адептах. В качестве мотива зверских убийств обвинитель Бульози назвал убежденность Мэнсона в скором восстании, которое чернокожие рано или поздно поднимут против белых, в чем он убедил своих последователей. Это Мэнсон и имел в виду под «хелтером-скелтером», цитируя одноименное название одной

из песен Beatles. Говорили, что Мэнсон приказал своим приверженцам совершить шокирующие убийства, чтобы углубить расовый конфликт и навести полицию на ложный след, заставив ее поверить в то, что злодеяния были совершены неграми. Также высказывалось предположение, что Мэнсон выбрал дом по адресу Сьело-драйв по той причине, что раньше там проживал Терри Мелчер, глава некой звукозаписывающей компании, не сумевший обеспечить раскрутку Мэнсону Задумав убийства, Мэнсон припомнил «отказ» Мелчера и удаленное расположение его бывшего жилья, что делало его идеальным местом преступления.

Кроме того, обвинение утверждало, что Мэнсон убедил своих последователей в существовании одного карьера в Долине смерти, где он и его группа могли переждать грядущую расовую войну. По предсказаниям Мэнсона, победу в столкновениях должны были одержать чернокожие, однако у них не хватило бы ума, для того чтобы осуществлять управление страной надлежащим образом. После завершения беспорядков Мэнсон и его избранные вышли бы из своего убежища и начали строить новое общество в соответствии с представлениями Мэнсона.

С момента ареста Мэнсона и членов его Семьи до вынесения приговора прошло больше полутора лет — столько потребовалось для проведения следствия и судебных процессов. К казни в газовой камере в Сан-Квентине были приговорены Чарльз Мэнсон, Сьюзан Аткинс, Чарльз (Текс) Уотсон, Лесли Ван Гутен и Патрисия Кренвинкель (за убийства Тейт — Ла Бьянка), Брюс Дэвис и Стив Гроган (за участие в убийстве Шорти Ши), а также Бобби Бослей (за убийство Гэри Хинмэна).

Однако спустя год после вынесения смертных приговоров штат Калифорния отменил их, при этом преступники автоматически приговаривались к пожизненному заключению. Изменение меры пресечения позволяло

рассмотреть возможность условно-досрочного освобождения этих восьми осужденных уже в 1978 году. Осенью 1985 года, после шестнадцати лет тюремного заключения, Стив Гроган был условно-досрочно освобожден на строгих условиях комиссией по условно-досрочному освобождению штата Калифорния. Другим осужденным по этому делу в досрочном освобождении было отказано.

Большинство людей считают Мэнсона и тех, кто проходил с ним по делу, жестокими, хладнокровными убийцами, у которых съехала крыша от наркотиков. Вместе с тем другие видят в Мэнсоне своеобразного вождя и гуру, обладающего мистическими способностями. Они защищают Мэнсона, оказывают ему поддержку и пытаются имитировать его жизнь, предшествовавшую убийствам. Отбывая наказание, Мэнсон получает тысячи писем и принимает многочисленных посетителей. Письма пишут подростки и взрослые обоего пола, женщины приходят к Мэнсону в тюрьму, стремясь добиться его внимания и симпатии, кто-то ищет у него совета, кое-кто хотел бы стать его последователем. Находятся даже такие, кто готов пойти на преступление ради него — вернее, ради мифа, который сложился вокруг его личности. Но этот миф далек от реальности.

Так получилось, что я познакомился с Мэнсоном много лет назад, задолго до появления «детей цветов» и хиппи. Я с ним не «делил косяка», как на тюремном жаргоне говорят о близких приятелях, но мы действительно провели вместе какое-то время в одном месте — в Терминал-Айленде. Случилось это в 1956-1957 годах, когда я получил срок за перегон в другой штат угнанной машины. В то время Мэнсону исполнился всего двадцать один год, а мне было двадцать восемь. В тюрьме нас связывал, главным образом, общий интерес к атлетике. Впрочем, я видел в нем себя, каким был в том же возрасте, — юнец среди заключенных постарше, ловивший каждое слово зако-

ренелых, законченных преступников, который был еще слишком молод, чтобы понять — криминалу приходит конец.

Я освободился в 1957 году и вскоре открыл свою автомастерскую в Голливуде. Мэнсон вышел из тюрьмы на следующий год. У нас были общие друзья в этом районе, так что, когда у Мэнсона из-за автомобильной аварии возникли кое-какие проблемы, один из наших приятелей сказал ему, где меня найти. Хотя ничего уголовного в этом столкновении не было, все же у Мэнсона возникли сложности. «Мой контролер порядком достает меня, — сказал Мэнсон. — Или я почию машину того парня, которую помял, или он скажет, что я нарушил условия досрочного освобождения и отправит меня обратно в кутузку. Ты меня выручишь?» Я отремонтировал ту машину, а заодно и автомобиль самого Мэнсона. Этот случай и наше пребывание в одной тюрьме позволили мне написать биографию Мэнсона. Ибо, как он часто повторяет на протяжении последних шести лет: «Ты не дал мне угодить в тюрьму, Эммонс. Я у тебя в долгу. И если кто и может объяснить, почему все так обернулось, так это ты, наверное, потому что ты был там, ты хороший парень».

Потом я не виделся с Мэнсоном до 1960 года. Мы снова встретились уже в тюрьме Макнил, где я сидел за участие в сговоре по поводу ввоза наркотиков. Наши отношения во многом были теми же, что в Терминал-Айленде, и ограничивались занятиями атлетикой, за исключением нескольких случайных разговоров. Помню, однажды Мэнсон спросил у меня, знаю ли я что-нибудь о Роне Хаббарде и дианетике. Поскольку я ничего об этом не слышал и не горел особым желанием узнать, наша беседа была короткой. Время, проведенное в тюрьме Макнил, изменило всю мою дальнейшую жизнь, причем в лучшую сторону. Как вы поймете из книги, это время оказалось поворотным и для Мэнсона.

Освободившись в 1964 году, я хотел лишь одного — стать ответственным и честным гражданином. С тех пор я ни разу не нарушал права других людей и не рисковал своей свободой. Я возобновил свое дело, вернувшись к автомастерской, а затем попробовал себя в другой сфере, став свободным писателем.

Я почти не обратил внимания на убийство Гэри Хинмэна в 1969 году, но об убийствах Тейт и Ла Бьянка мне, как и всему миру, было известно очень хорошо. Когда в декабре 1969 года в расследовании всплыло имя Мэнсона, я был поражен. Меня удивило не столько его участие в этих преступлениях, сколько то, что человек, которому приписывали способность заставлять людей выполнять любую его прихоть, мало походил на того парня, которого я помнил.

К 1979 году я почти совсем забыл о Мэнсоне, пока мне на глаза не попала статья о нем, опубликованная в местной газете. Автор материала ездил в Вакавил, где тогда сидел Мэнсон, намереваясь взять у него интервью. Мэнсон отказался давать интервью этому корреспонденту. В конце концов в репортаже были использованы сведения из рассказов тюремщиков. Среди прочего в статье говорилось, что Мэнсон редко откликается на просьбы дать интервью. В то время я уже писал для одной газеты и почувствовал, что моя прошлая связь с Мэнсоном могла бы послужить мне пропуском и позволить увидеться с ним, в чем было отказано другим желающим.

На первое мое письмо ответил один из тюремных друзей Мэнсона. Он написал мне следующее:

«Чарли постоянно получает письма от придурков вроде тебя, которые хотят взять у него интервью. Его не интересует болтовня с тобой, чтобы потом все было перевернуто и в газетах появилось еще больше лжи. Но если ты хочешь написать о каком-нибудь отвязном, тронутом ублюдке, то пришли мне телек, и я потреплюсь с тобой».

В конверт были вложены две газетных вырезки, где рассказывалось об этом человеке и совершенных им убийствах, за которые он отбывал наказание. Я проигнорировал письмо, разве что вернул вырезки по просьбе автора.

Во втором письме на имя Мэнсона я написал о себе так, чтобы он наверняка вспомнил меня. Я объяснил, что, если он не хочет беседовать со мной как с журналистом, я мог бы приехать к нему как обычный посетитель. Ответ пришел практически сразу, пусть и написанный неразборчивым почерком. Ответное письмо Мэнсона сводилось к следующему: «Да, я помню тебя. Тебе следовало бы сразу сказать, кто ты такой, еще в первом письме, тогда я не отдал бы его Бучу. У меня не бывает гостей, так что не ожидай слишком многого, они говорят, я псих. Но если хочешь приехать — приезжай». Когда я показал это письмо жене, она сказала: «Ты что, на самом деле собираешься встретиться с ним? Разве тебе не страшно только от одной мысли об этом?» Как и многие другие, она прочла книгу «Helter Skelter»* и твердо была убеждена в том, что Мэнсон был способен обращать людей в свою веру.

Калифорнийский медицинский центр в Вакавиле находился всего лишь в двух часах езды на машине от моего дома. Вопросы так и роились у меня в голове, пока я ехал в Вакавиль. Я гадал, с кем же мне придется иметь дело — с юным, не слишком агрессивным пареньком с кротким взором, каким он запомнился мне по тюрьме, или со злодеем с бешеными глазами и тяжелым характером, каким его обычно изображали телевидение и газеты. Несмотря на беспорядок в голове, в тюрьме я заполнил подробный бланк по поводу предстоящей беседы. «Черт возьми, — думал я про себя, — ты вообще был в своем уме, заявившись сюда?»

* Книга Винсента Бульози, прокурора на процессе Чарльза Мэнсона, и журналиста Курта Джентри «Helter Skelter: Правда о Чарльзе Мэнсоне» (впервые опубликована в 1974 г.; рус. изд. 2003 г.), считается одним из наиболее всесторонних изложений «дела Мэнсона».

Заполнение документов не было простым делом для меня. Я снова был в тюрьме, пусть и в качестве посетителя, и мой приход сюда всколыхнул воспоминания о днях моего заключения. Сердце у меня застучало, руки затряслись так, что я с трудом заполнил обязательные бланки для посетителей.

Вновь оказавшись на территории тюрьмы, я ощутил нестерпимое желание забрать свой паспорт, выскочить за тюремные ворота и забыть все, что хотя бы отдаленно было связано с тюрьмой. Но вместо этого я сделал глубокий вдох и уселся среди других ожидавших свидания посетителей.

Прошло три четверти часа, и охранник объявил: «Посетитель к Чарльзу Мэнсону». При упоминании этого имени все вздрогнули. Я поднялся и направился к комнате для свиданий. Те, кто не смотрел на меня, чуть не вывернули шею, пытаясь узреть самого Мэнсона. У двери комнаты меня остановил охранник, сказав, что мне не сюда. Он проводил меня к месту, известному как «между ворот». По пути он разрешил мне остановиться у торгового автомата и купить сигарет, кока-колы и конфет.

«Между ворот» — это тщательно охраняемая зона, отделяющая вход в тюрьму и административные помещения от места проживания заключенных. Управляемые электроникой зарешеченные ворота поставлены в обоих концах коридора длиной двадцать пять футов. В начале этого коридора находится комната из пуленепробиваемого стекла. Там сидят минимум два сотрудника, открывающие и закрывающие ворота. Они проверяют личность каждого входящего и выходящего. Ворота никогда не открываются одновременно. Вдоль коридора расположены две или три комнаты с решетками вместо дверей. Размер комнат примерно восемь на восемь футов. В каждой из них есть стол и четыре стула, прикрученные к полу в центре комнаты.

Мэнсона уже привели и заперли в той комнате, где должна была проходить наша встреча. Пока охранник открывал дверь, чтобы впустить меня, Мэнсон не отрываясь, пристально смотрел на меня. На нем была стандартная тюремная одежда из грубого хлопка синего цвета, а лоб был перехвачен сине-белой банданой, чтобы длинные волосы не падали на лицо. Еще у него была густая борода, как у Христа. В то время Мэнсону исполнилось уже сорок четыре года, но в его бороде и волосах виднелись лишь одна-две седые прядки. Он выглядел не слишком повзрослевшим с той поры, когда я видел его последний раз в 1964 году. Когда охранник запер за мной дверь, Мэнсон отступил в дальний угол комнаты. Он был похож на испуганного, недоверчивого зверька. Он слегка подался вперед, чуть вытянул шею и задрал голову, склонив ее при этом набок. В такой позе он кивнул мне и сказал: «В чем дело, приятель?» — «Да ни в чем, — ответил я. — Я просто приехал сюда, как и обещал в письме». С этими словами я выложил напитки и конфеты на стол и протянул Мэнсону руку, чтобы поздороваться. Худое тело Мэнсона выпрямилось, он шагнул ко мне и пожал руку. Сквозь его бороду проглядывала слабая улыбка. «Да, Эммонс, — сказал он, — я бы узнал тебя где угодно. Как успехи в гандболе?» — «Черт, я не играл с тех пор, как вышел из Макнилла. А твой?» — «Ты шутишь, что ли! Эта мисс Уинтерс [тогдашний главный психиатр в Вакавиле] и ее чернокожие приятели прижали меня так, что я ничего не могу делать. Мне потребовалось девять лет, чтобы выбраться из крыла Б. (Крыло Б — это отдельный блок, где держат заключенных, находящихся под усиленным психиатрическим наблюдением.) Они перевели меня в крыло W, — добавил он, — но там не лучше».

Лед между нами был сломан, но в воздухе все-таки висело ощутимое напряжение. Мэнсон не подпускал меня к себе ближе, чем на расстояние вытянутой руки, и не по-

зволял себе оказаться в уязвимом положении. Он всегда устраивался так, чтобы иметь возможность немедленно защититься при необходимости. Его паранойя стала еще заметнее, когда я предложил ему закурить. «Сам прикури!» — велел он. Я протянул ему зажженную сигарету, но, прежде чем затянуться, он дотошно прощупал ее пальцами и спросил, где же запрятана бомба. Он не прикоснулся ни к воде, ни к конфетам, которые я разложил перед ним, до тех пор, пока я сам их не попробовал. Потом он стал брать то, что начинал пить или есть я, на моем примере убеждаясь, что яда там не было. «Ты придуриваешься, — спросил я, — или в самом деле настолько больной, что думаешь, будто я пришел сюда, чтобы тебя отравить?» Отвечая, он смотрел мне в глаза немигающим взглядом: «Видишь ли, я не видел тебя лет пятнадцать-двадцать. Когда мы были с тобой в одной тюрьме, у тебя не находилось для меня времени. И вдруг ты нарисовался. И что же я должен думать, по-твоему? Я протянул так долго, потому что люди помнят обо мне. Ты понятия не имеешь, как эти ублюдки хотят от меня избавиться. Я живу в этом дерьме уже десять лет, и изо дня в день они подсылают ко мне кого-нибудь. Я еще не расстался с жизнью только потому, что я всегда начеку. Я не доверяю ни тебе, ни кому-нибудь другому!»

Пытаться изменить его отношение было в тот момент бессмысленной затеей, но все же я почувствовал необходимость объяснить ему, почему у меня не находилось для него времени, когда мы вместе сидели. «Ты был на восемь лет младше меня; то, через что ты только проходил тогда, для меня уже осталось в прошлом. Ты и те парни, к которым ты пристроился в тюрьме, играли в игры и пытались произвести на всех впечатление. Я же хотел лишь одного — отбыть свой срок и выбраться оттуда. Дело было вовсе не том, нравился ты мне или нет». Похоже, мои слова успокоили Мэнсона. Угрожающая злость, звучавшая в

его голосе, исчезла, и он начал расспрашивать меня о бывших общих знакомых. Оказалось, что он знал об их жизни куда больше, чем я. Заключенные всегда в курсе, что происходит с теми, кто выходит за тюремные ворота, и они подавно будут знать, попался парень снова или продолжает обделявать свои темные делишки на воле. Вместе с тем если человек исправляется, то новости о нем, судя по всему, перестают поступать и для других заключенных он словно умирает.

Спустя примерно полчаса охранник сообщил, что у нас осталось пять минут. В эти последние минуты Мэнсон затронул тему, которой я решил не касаться на первом свидании с ним. «Ха, так ты теперь у нас писатель? Знаешь, вы, ублюдки, меня просто достали, и я не верю ни одному из вас, уродов, чтобы говорить вам правду. Что на это скажешь?» Я не понимал, для чего Мэнсон сказал мне это: хотел ли он дать мне от ворот поворот или просто проверить мою реакцию. «Все так, Чарли, — ответил я, — я тоже не доверяю многим писателям. Так что не думай, что я приехал сюда, чтобы потом что-нибудь написать. Я здесь потому, что когда-то мы с тобой провели вместе какое-то время, и если мои один-два прихода хоть как-то разнообразят твою жизнь, я приеду еще. А если ты не захочешь, то нет». Мэнсон не дал прямого ответа. «Слушай, мне бы немного почтовых марок и блокнотов, можешь устроить?» — спросил он. «Конечно, — сказал я. — И если тебе надо денег на книги, тоже обращайся».

Наше время истекло. Когда мы прощались, Мэнсон стоял ко мне уже ближе, чем в начале встречи. Мы пожали друг другу руки с легкой теплотой. О преступлениях мы разговор не заводили. Хотя Мэнсон ничего об этом не сказал, я почувствовал, что он хотел видеть меня снова. Со временем, подумал я, мы могли бы научиться доверять друг другу.

Я выслал Мэнсону марки и бумагу, которые он просил, и еще денег на продукты. Мы обменялись, может, парой писем, и я стал ездить к нему почти каждую неделю. Следующие два свидания были похожи на первую нашу встречу. Мэнсон почти не говорил о внешнем мире и о прошлом, зато охотно рассуждал о том, как изменились тюрьмы. Пару предложений он говорил связно, практически логично, но потом вдруг перескакивал на другое, не закончив первой мысли.

Я уже виделся с Мэнсоном раз шесть или семь, но все еще не знал, что ему колют лекарства, пока однажды он не сказал: «Может быть, ты своеобразная терапия для меня, ведь они стали меньше меня колоть». После этого наше общение стало более конструктивным. Мы начали говорить об убийствах. Он уклончиво отвечал на прямые вопросы о своем участии в них, зато свободно говорил о «своих девочках», вспоминал свою жизнь на ранчо Спан, пустыню Мохаве и свои багги для езды по песку. Он сам рассказал кое-что о Линетт (Пискле) Фромм и о покушении на президента Форда. Как-то раз он неожиданно спросил у меня: «Слыхал о том, что Красная была в Элдерсоне? (Красная — это было «цветовое» имя, придуманное Мэнсоном для Фромм; несколько самых важных девушек в «семье» имели разный «цвет».) Я должен нести еще и это бремя. Я не говорил ей стрелять в Форда. Это была ее идея, но, как и все остальное, легло на Чарли. Эй, видел «Ангелов Чарли» по телевизору? Это же прямо про меня и моих девочек. Между прочим, как думаешь, это я послал тех ребят в дом Мелчера?» Так он первый раз спросил меня напрямую, считал я его виновным или нет.

«Ты же все-таки здесь, Чарли, — ответил я, — поэтому я вынужден думать что-то вроде того». Он взорвался, и мне впервые довелось встретить этот острый, пронизывающий взгляд, который так часто фигурировал в газетах и на обложках журналов во время судебных заседаний в

1970 году. Мэнсон подошел ко мне, но не для того, чтобы ударить, а чтобы заорать на меня. Его лицо было всего лишь в нескольких дюймах от моего. «Ты, мразь, ты мне не друг, ты просто еще одна жертва той чепухи, что Сэди (Сьюзан Аткинс) и Бульози написали в «Helter Skelter»! Да пошел ты, катись отсюда». Охранник достал ключи и уже собирался открыть дверь, чтобы помешать драке, которая, как он думал, была неминуема, но я сказал ему, что все нормально, и у нас просто небольшая размолвка. Тюремщик колебался, а Чарли отошел от меня и уставился на нас обоих. Он весь дрожал от гнева. Потом я заметил, что он расслабился. «Да, все в порядке, все под контролем», — сказал он охраннику. Вспышка ярости прошла так же быстро, как и началась. Мэнсон продолжил разговор тихим, спокойным голосом. «Видишь ли, я уже достаточно пожил на этом свете, чтобы понять: если ты совершишь преступление, тебе придется за это расплачиваться. Но я не виновен в том, за что эти козлы меня осудили. Я не должен быть здесь! Во всяком случае, не так, как они меня держат, не под иглой. Они могли бы обвинить меня в сговоре, в соучастии до или после преступления; наказание было бы тем же, но я безропотно отбывал бы его». Потом, опасаясь, что я сочту его слова проявлением слабости, Мэнсон быстро добавил: «Да я не жалею, пойми, просто эти сволочи поступают со мной несправедливо». Минуту или две стояла тишина, он сверлил меня взглядом, пытаюсь угадать, поверил ли я ему. «Если так оно и есть на самом деле, Чарли, давай я напишу книгу с твоих слов о том, как это было», — нарушил я молчание. Он улыбнулся и сказал: «Хитрый ты сукин сын. Через два месяца наконец расколосся. Но послушай, приятель, я не знаю, могу ли доверять тебе». — «А что значит «доверять», Чарли? — спросил я. — Все что можно плохого, о тебе уже сказали. Но твоя жизнь отражает все пороки нашего общества, и, если ее правильно преподнести, она могла бы послужить свое-

образным уроком для общества. Ты же сам всегда говоришь, что родители присылали своих детей к тебе. Твоя жизнь, такая, какой она была на самом деле, без всей той ерунды из «Helter Skelter», которую проглотили во время суда, могла бы объяснить, почему те самые ребята пришли к тебе, и заставить родителей внимательней относиться к себе и к своим отпрыскам. На примере твоей жизни можно много чему научиться. К тому же у тебя ведь есть собственное мнение насчет причин, которые привели к убийствам. Так позволь мне записать его».

«Знаешь что, Эммонс, мне наплевать на тех щенков! Родители — вот кто должен за ними присматривать. Из-за этих самых детишек и их узколобых мамаш и папаш я и загремел сюда. Пусть заботятся о себе сами. Нет, к черту все! Я не собираюсь становиться частью книги, все равно какой! Особенно книги, которая выставит меня кем-нибудь вроде благодетеля человечества. Пошли они к черту, они сами создали образ, так пусть и живут с ним, пусть все эти дети пишут мне письма с просьбами о встрече и о вступлении в мою «семью». Черт, да не было никакой семьи! Какой-то журналист прилепил это слово к нам, когда они доставали нас на ранчо. Кроме того, не найдется ни одного человека, который захочет читать что-то, что могло бы научить его кое-чему. Их интересует только кровь и секс — вот что у них на уме, когда они тратят свои деньги».

В тот день я уходил из комнаты для свиданий удрученным. Я понял, что выбрал не тот подход, предложив Мэнсону использовать его жизнь в качестве примера. Он ненавидел всех членов добропорядочного общества с такой силой, что не хотел даже косвенным образом оказаться полезным для них.

Спустя несколько дней после той встречи я получил от Мэнсона письмо, в конверт с которым были вложены письма от двух изданий, просивших у него интервью. В этом письме Мэнсон спрашивал у меня, стоит ли ему со-

глашаться на интервью. Я не стал писать ответ, а вместо этого приехал к нему на следующий день. Я не заикнулся о книге, но попросил у него быть первым, кому он даст интервью, если захочет.

«Договорились! — ответил Мэнсон. — Только вот, одно из тех писем пришло от девушки из какой-то местной газеты, которая уже давно добивается встречи со мной. Так, может, ты ее проверишь и возьмешь с собой». Мы сошлись на том, что я буду брать интервью у Мэнсона с этой женщиной. Я поговорил с ней, и она согласилась на определенные ограничения.

Во время интервью журналистка спросила у Мэнсона: «Откуда у вас такое доверие к Эммонсу? Я хочу сказать, вы ведь так часто отказывались давать интервью, но ему все-таки пошли навстречу». Ответ Чарли стал для меня приятным сюрпризом. «Дело в том, что мы с Эммонсом давно знакомы. Он понимает меня. Вообще-то он один из моих отцов, он помог мне повзрослеть, и он пишет книгу о моей жизни». Было совсем не лестно услышать от Мэнсона, что я был ему как отец, да еще содействовал его воспитанию, но он упомянул о книге, и я не собирался давить на него, выпрашивая, с чего бы это и когда он передумал. Возможно, он оценил мои регулярные приезды, может, вспомнил услугу, которую я оказал ему когда-то; как бы то ни было, он был готов сотрудничать со мной.

В дополнение к публикации я договорился с *United Press International* о предоставлении их телеграфному агентству нескольких фотографий и релиза интервью. В моем материале не говорилось о том, что Мэнсон согласился предоставить мне материал для книги, но в релизе *UPI* было сказано, что я работаю над книгой о Чарльзе Мэнсоне. Я сразу начал получать письма о нем. Несмотря на то, что после его преступлений минуло уже больше десяти лет, Мэнсон по-прежнему привлекал к себе внимание и вызывал достойный удивления интерес. Большая

часть корреспонденции пришла из Соединенных Штатов, но были письма и из Канады, Англии, Германии, Испании, Италии и Австралии. Авторы многих писем предлагали информацию для книги, и все говорили о том, что Мэнсону надо дать возможность самому рассказать о своей жизни и о тех событиях, которые привели к убийствам в 1969 году.

В основу этого повествования от первого лица легли многочисленные интервью, письма, адресованные Мэнсону, и письма, которые он присылал мне. При подготовке книги у меня на пути возникло немало препятствий. Хотя Мэнсон и дал согласие сотрудничать, он не всегда хотел это делать, так что мне приходилось часами выслушивать его повторяющиеся жалобы насчет прогнивших тюрем и всей системы исправительных учреждений. Мне разрешалось пользоваться магнитофоном лишь тогда, когда я беседовал с Мэнсоном для написания заказной статьи для публикации. И только в этом случае тюремное начальство снабжало меня магнитофоном, поскольку бытовало мнение, что при попытке бегства заключенного из Сан-Квентина несколько лет назад адвокат пронес пистолет как раз в магнитофоне. За исключением этих редких моментов мне приходилось запоминать все в уме, пока у меня не появлялась возможность сделать записи на кассету или на бумагу. Я провел долгие часы на тюремной парковке, записывая имена и особые фразы, типичные для речи Мэнсона и отражавшие его мысли. Нередко я был вынужден исправлять описание каких-то событий, по несколько раз переспрашивая у Мэнсона подробности и исправляя неверные сведения из других источников. Порой версию Мэнсона было невозможно состыковать с фактами, но в конце концов цель этой книги в том и состоит, чтобы передать именно его версию.

Моя задача осложнялась еще и тем, что Мэнсон временами противоречил самому себе или вдруг решал, что